

ВРЕМЯ

Z

АЛЕКСЕЙ СТОПИЧЕВ

ШАГНУВШИЕ В ВЕЧНОСТЬ

Ленинград
издательский дом

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С81

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Василисы Сухаревой*

При оформлении издания использованы фотоматериалы
РИА Новости Медиабанка (*Сергея Бобылева*),
Панкова Дмитрия, Осиповой Натальи

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Стопичев, Алексей Александрович

С81 Шагнувшие в вечность: рассказы и очерки / Алексей Стопичев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-189294-4

«Шагнувшие в вечность» — это книга, от которой невозможно отстраниться. В ней нет выдуманных героев. Здесь — живые люди: бойцы, врачи, полицейские, волонтеры, священники, спасатели, строители, аграрии и жители приграничья. Те, кто каждый день делает выбор — остаться, помочь, спасти, защитить, не сломаться.

Это книга о Белгородчине, которая живет под ударами, но не склоняется. Она о человеческой высоте, о любви к родной земле, о вере, стойкости и внутреннем выборе. О тех, кто в тяжелое время не отступил, не отвернулся и не спрятался. Каждый герой — напоминание о том, что мужество не всегда громкое. Иногда оно тихое: подать руку раненому, вывезти ребёнка, остаться у храма, выйти в поле, зажечь свечу у памятника.

Ее читают не ради красивых слов. Ее читают, чтобы помнить. Чтобы понять цену стойкости. Чтобы увидеть настоящих героев рядом с нами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189294-4

© Алексей Стопичев, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Эта книга — не просто сборник рассказов. Это живая летопись нашего времени. Читая ее, чувствуешь, будто сам идешь по улицам Шебекино, стоишь рядом с кровельщиками на разбитой крыше, дышишь одним воздухом с ранеными в госпитале.

Она не о войне. Она — о людях. О тех, кто остался человеком в аду. Об Алешке, который не может говорить из-за осколка в горле и который стал тихим ангелом для других раненых. О враче Денисе, научившемся отключать чувства, чтобы спасать детей. О старике Кузьмиче, которому страшно, но он все равно каждый раз садится за руль, чтобы вывозить людей из-под обстрела.

— А страну ведь кормить надо, ведь так? — не ожидая ответа, Михалыч тут же заговорил: — Мне моя все талдычит: давай уедем! А куда мы поедем, если это земля наша? А работать тут кто будет, если все разъедутся?

Эта книга — оголенный нерв жизни. Она о том, на чем земля наша держится — на тихой ежеднев-

ной стойкости простых людей: санитарок, трактористов, учителей, священников. На их выборе — остаться, помогать, не согнуться.

Читаешь и испытываешь безмерную гордость и щемящую боль. Гордость — за людей, обыкновенных героев, которые свой ежеминутный незаметный героизм не считают за подвиг. Боль — за то, что им пришлось через все это пройти и не по своей воле.

Эта книга — памятник тем, кто шагнул в вечность, и тем, кто, стиснув зубы, продолжает жить, строить и верить. Я уверен, что Алексей, вспоминая встречи с героями своих рассказов, как нормальный мужчина, плакал. Я тоже, когда читал. Но такая жизнь у военкоров, у журналистов — плачьте, но снимайте! Плачьте, но пишите! Чтобы читали. Чтобы знали. Чтобы помнили.

*Дмитрий Чирков, кинорежиссер,
член Союза кинематографистов РФ*

ОТ АВТОРА

В нашей стране в ноябре отмечают великий праздник — День Героев Отечества. Именно так, с большой буквы и с чувством восхищения теми, кто шагает в бессмертие. Это Герой России Владимир Бурцев, мой земляк, который, оказавшись окруженным боевиками, вызвал на себя огонь. Это Вячеслав Воробьев, тоже вызвавший на себя огонь, чтобы спасти своих боевых товарищей. Это Алексей Осипов, погибший при защите Красной Яруги. Это многие-многие другие. И в этом смысле для меня важны не только официальные звания и награды. Для меня герои — и ребята из ОДОНа, с которыми мы работали на сватовском направлении. И артиллеристы, таскающие тяжеленные снаряды для своего «Гиацинта» и бьющие врага прицельно и люто, а потом греющие замерзшие руки у небольшого костерка. Герои — саперы, с которыми работал, а после пил чай в блиндаже на харьковском направлении. Водители, которые под обстрелами и атаками везут нужное фронту. Бойцы «Орлана» и «Барса», которые изо дня в день спасают

наши жизни, работая на самых опасных направлениях. Для меня герои — жители приграничья, не просто оставшиеся в своих домах, но продолжающие работать на благо Родины. Я считаю, что мне в этом плане очень повезло — я лично вижу их служение и могу рассказать о нем. Чтобы это все не было забыто, а их подвиг остался в веках, как подвиг ратников Дмитрия Донского и Александра Невского. Работайте, братья! И с праздником вас, всех, шагнувших в вечность!

РАССКАЗЫ

Алешка

Алешка шаркал своими слюдяными тапочками по полу и вдруг понял, что перестал ощущать госпитальный запах. Хотя в первый день запах этот — гноя, крови, пота и лекарств — преследовал его. Был таким густым и насыщенным, что казалось, возьми нож — и можно его резать. Он въедался и подавлял своей безысходностью. Запах этот был олицетворением боли и страданий, с которыми сталкивались бойцы. Он впитывался в одежду и даже в кожу. Но уже на второй день запах становился терпимым, менее заметным. А потом наступал момент, когда запах этот и не ощущался вовсе. И только когда выходишь на улицу — свежий воздух дурманил, врвался в легкие неистово и бесцеремонно, и вспоминал Алешка, что в госпитале запах совсем другой.

Так, кстати, было и при первом ранении, еще когда Алешка служил в «Вагнерах». Когда после ранения везли его обессиленного, с дергающей болью, он мало что понимал и ощущал. Но, оказавшись в госпитале, сразу же почувствовал этот

запах. И подумал тогда со странным удивлением, что запах этот несет и успокоение. Что все хорошо будет теперь. Ведь есть врачи и медсестры. Они позаботятся и спасут...

Тогда, вернувшись домой в свой родной Новохопёрск, после ранения, Алешка рассказывал матери, что все хорошо. Что теперь уж точно ничего не случится. И когда подписал контракт с Министерством обороны, виновато, но твердо сказал:

— Мама, я там нужен!

Лешка верил в это искренне и яростно. Потому что видел, во что превращают селения украинские боевики. Потому что вывозил из-под обстрелов мирных жителей, а потом делился с ними своим пайком и успокаивал, рассказывал, что теперь уж точно все будет хорошо. А еще он верил, что нужен — стране, людям. И старался быть нужен во всем, еще со школы. И если просили его — никогда не отказывал.

Алешка подошел к столовой и написал в телефоне: «Дайте два чая». Санитарка встретила Алешку доброй улыбкой. Они привыкли к этому молодому мальчишке с раной рта и горла. Он не говорил, но его искалеченное лицо всегда улыбалось глазами и лучиками рано появившихся морщинок. Санитарка, подслеповато щурясь, прочла надпись и быстро налила два стакана чая. Алешка прижал к груди ладонь и пошаркал назад, в палату, где его ждали раненые товарищи.

Одному из них — танкисту с ожогами рук и ног — Алешка отдал свои мягкие тапочки, легкие и удобные, а сам ходил теперь в дубовых, слюдяных. Увидел, как танкист пытается дойти до туалета, морщась на каждом шагу, остановил знаками и предложил поменяться. Танкист отнекивался, но Алешка приложил руку к груди и посмотрел так красноречиво, что танкист согласился.

— Где наш Алешка? — услышал Леша голос девочки-волонтера и поспешил туда, в палату. «Наш Алеша» его называли все — раненные, волонтеры и даже медперсонал. Врач, накладывающий на рот Алексея швы, просил его:

— Дружок, нужен покой, понимаешь? Просто покой. А как чуть заживет — удалим мы тебе осколок из горла!

И начинал рассказывать что-то про магистральные сосуды, щитовидку и нервы. Алешка кивал и улыбался глазами и лучиками рано появившихся морщинок. Но как только врач уходил, обязательно кто-то просил водички или чая, или вынести утку. И Лешка вставал, надевал свои слюдяные тапочки и шаркал по всем этим важным и нужным делам. Ему было немного стыдно, что у него, в отличие от многих, и руки, и ноги целые. И внутренности на месте. Вот только проклятый осколок, пробив рот, застрял где-то в горле и сидел там, мешая есть и пить... Зато он не мешал ходить, и Алешка бегал с утра до вечера, помогая другим раненым. Так как говорить пока Алешка не мог,

наловчился на смартфоне своем писать короткие сообщения. Попросит кто-то из больных сигарету, Алешка напишет: «Сигаретки не будет?» — и к курящим. Те прочитают, кивнут и, уперевшись в костыль, достают сигарету, а то и пачку целиком протягивают. Но Лешка головой покачает, возьмет одну и бежит довольный, шаркая своими слюдяными тапочками по полу, стараясь быть полезным даже здесь, в госпитале.

Раненые и медики так привыкли к тихому и незаменимому Алешке, что казалось — он часть этого госпиталя. А он, молчаливый и предупредительный, ходил из палаты в палату и слушал бойцов. И им это тоже было очень нужно. Когда Николай, лишившийся ноги, долго рассказывал о девушке, осторожно трогая пальцами культю, он в Лешке находил не просто слушателя. И спрашивал осторожно, боясь спугнуть что-то:

— Как думаешь, Леш, примет такого?

И Алешка кивал, тихо, но твердо. И прямо смотрел в глаза Николаю, чтобы тот даже не сомневался: примет! И Николай верил, улыбался счастливо и засыпал впервые за много лет спокойно. И так же спокойно засыпал Алёшка, зная, что опять оказался нужен.

Умер Алешка под утро. Во сне. Двинулся осколок, и... Даже не поняв, что произошло, не успев испугаться, умер Алешка так же тихо, как жил последние дни. А на лице его разгладились рано появившиеся морщинки...

Промокшие плащи героев

Мы стоим на крыше, и Васильич тычет пальцем влево и вниз, в направлении частного сектора:

— Туда прилеты были вчера! Так шарахнуло! Мы думали, по заправке прилетело, но потом нет, смотрим, по жилым домам.

Васильич — бригадир кровельщиков. В возрасте, коренастый мужик со шрамом на лице. Говорит быстро, громко и объясняет также:

— Тут, видишь, после прилета мало того, что крышу разнесло — еще и загорелась она!

Закопченные трубы дымоходов торчат в небо почерневшим кирпичом, подтверждая слова бригадира. Но две трети крыши уже восстановлено. Свеженькие стропила, перехлестнувшись в центре крыши, затянуты какой-то особо прочной пленкой. Васильич хромает по плитам и притоптывает ногой:

— Торопимся. Если не затянуть крышу — затопит людей! В воскресенье ливеньяка такой был — промокли все, но до четырех работали!

Бригадир отсюда, из одного из приграничных сел Шебекинского округа. И бригада вся местная. Оттого и стараются, как для себя. Сегодня сюда прилетело, а завтра уже к каждому из них может.

— У меня вон, вообще, 17-летний пацан работает! По крыше скачет, наравне со всеми трудится. Понимает, что надо сделать. Молодой, а с понятием уже...